

ИОГАНН
ВОЛЬФГАНГ
ГЕТЕ

ФАУСТ

*Издательство АЛЬФА-КНИГА
Москва, 2013*

УДК 830
ББК 84.(Нем.)6-5
Г44

Перевод с немецкого
Н. Холодковского

Иллюстрации на обложке
художников конца XIX века

Гете И. В.
Г44 Фауст. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. —
408 с.: ил. — (Собрание мировой классики).

ISBN 978-5-9922-1558-8

Иоганн Вольфганг фон Гете (1749—1832) — гений немецкой культуры, выдающийся представитель Просвещения, основоположник немецкой литературы Нового времени. В настоящем издании публикуется самое известное произведение Гете — «Фауст». В этой трагедии, снискавшей славу «Божественной комедии» немецкой литературы, в яркой художественной форме нашли свое воплощение средневековые немецкие мифы и предания о докторе Иоганне Фаусте и Мефистофеле.

УДК 830
ББК 84.(Нем.) 6-5

ISBN 978-5-9922-1558-8

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно...
Вас удержу ль во власти вдохновенья?
Былым ли снам явиться вновь дано?
Из сумрака, из тьмы полузабвенья
Восстали вы... О, будь, что суждено!
Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,
И дух мой снова чары ваши чует.
Вы принесли с собой воспоминанье
Веселых дней и милых теней рой;
Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной;
Все вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни бег запутанной чредой,
И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной.
Кому я пел когда-то, вдохновенный,
Тем песнь моя — увы! — уж не слышна...
Кружок друзей рассеян по вселенной,
Их отклик смолк, прошли те времена.
Я чужд толпе со скорбью, мне священной,
Мне самая хвала ее страшна,
А те, кому моя звучала лира,
Кто жив еще, — рассеяны средь мира.
И вот воскресло давнее стремленье
Туда, в мир духов, строгий и немой,
И робкое родится песнопенье,
Стеня, дрожа эоловой струной;
В суровом сердце трепет и смиренье,
В очах слеза сменяется слезой;
Все, чем владею, вдаль куда-то скрылось;
Все, что прошло, — восстало, оживилось!..

ПРОЛОГ В ТЕАТРЕ

Директор, поэт и комик.

Д и р е к т о р

Друзья, вы оба мне не раз
Помочь умели в горькой доле;
Как ваше мнение: хорошо ли
Пойдут дела теперь у нас?
Хотел бы публике я угодить на славу:
Она сама живет и жить другим дает.
Подмостки есть; театр готов; забаву
Уж предвкушает радостно народ.
У нас ведь все к чудесному стремятся:
Глядят во все глаза и жаждут удивляться.
Мне угождать толпе хоть и не новый труд, —
Но все ж меня берет невольное сомнение:
Прекрасного они, конечно, не поймут,
Зато начитаны они до пресыщенья.
Вот дать бы пьесу нам поярче, поновей,
Посодержательней — для публики моей!
А ведь приятен вид толпы необозримой.
Когда она вокруг театра наводнит
Всю площадь и бежит водной неуправимой,
И в двери тесные и рвется, и спешит.
Нет четырех часов, до вечера далеко,
А уж толпа кишит, пустого места нет,
Точь-в-точь голодные пред лавкой хлебопека,
И шею все сломить готовы за билет.
Такие чудеса во власти лишь поэта!
Мой друг, теперь прошу: скорей ты сделай это.

П о э т

Не говори мне о толпе безумной, —
Она в нас мысли лучшие гнетет;
Избавь меня от этой давки шумной,
Влекущей мощно в свой водоворот;
Нет, тишины ищущий, многотуманный, —
Лишь там поэту радость расцветет;
Там, только там божественною властью
Любовь и дружба нас ведут ко счастью.
Что в глубине сердечной грудь лелеет,
Что просится на робкие уста, —
Удачно ль, нет ли, — выйти чуть посмеет
На свет, — его погубит суета!
Нет, лучше пусть годами дума зреет,
Чтоб совершенной стала красота!

Мишурный блеск рождается на мгновенье,
Прекрасному — потомства поклоненье!

К о м и к

Потомство! Вот о чем мне речи надоели!
Что, если б для него — потомства — в самом деле
И я бы перестал смешить честной народ?
Кто ж публику тогда, скажите, развлечет
Веселой шуткою, ей нужной, без сомненья?..
Нет, как хотите, а держусь я мненья,
Что весельчак заслужит свой почет
И что забавник — не лишен значенья.
Кто интересен публике, мой друг,
Тот говорить с толпою может смело;
Увлечь ее — ему пустое дело,
Успех тем легче, чем обширней круг!
Итак, смелей вперед! Вы можете заставить
Фантазию, любовь, рассудок, чувство, страсть
На сцену выступить; но не забудьте часть
И шаловливого дурачества прибавить.

Д и р е к т о р

А главное, мой друг, введите приключенья!
Глазеть на них — толпе нет выше наслажденья;
Ну, и пускай толпа, разиня рот, глядит...
Причудливую ткань раскиньте перед нею, —
И вы упрочили за пьесою своею
Успех — и к вам толпа уже благоволит.
Пусть масса массу привлекает!
Пусть каждый кое-что на вкус получит свой!
Кто много предложил, тот многим угождает —
И вот толпа идет, довольная, домой.
Смелее все в куски мельчайшие крошите —
И этот винегрет успех доставит вам.
Легко вам выдумать, легко представить нам!
Что пользы, если вы им «целое» дадите?
Ведь публика ж его расщиплет по кускам.

П о э т

И вы не видите, как гнусно и постыдно
Такое ремесло? Иль не художник я?
Дрянных писак пустая пачкотня
У вас вошла уж в правило, как видно.

Д и р е к т о р

Не может нас упрек подобный оскорбить:
Ведь всякий человек, рассудок свой имея,

Берет оружие, какое бьет вернее.
С волками жить — по-волчьи выть!
Кто ваша публика, позвольте вас спросить?
Один приходит к нам, чтоб скуку утолить,
Другой, набив живот потуже,
Идет сюда переварить обед,
А третий — что для нас всего, пожалуй, хуже —
Приходит нас судить по толкам из газет.
Для них одно — театр, балы и маскарады:
Лишь любопытством весь народ гоним;
А дамы — те идут показывать наряды:
Чтоб роль играть, не нужно платы им.
О чем вы грезите? Спуститесь-ка пониже!
Вам хорошо смотреть с надзвездной вышины!
Нет, вы взгляните-ка поближе!
Те грубы, эти холодны!
Один от нас в приют камелий,
Другой в игорный дом идет...
Смешно, когда поэт зовет
Великих муз к ничтожной цели!
Прошу вас об одном, — побольше сочинить,
Как можно более: вот в чем мое стремленье!
Запутайте толпу, поставьте в заблужденье;
Иначе — верьте мне — ей трудно угодить.
Что с вами? Или вас коснулось вдохновенье?

П о э т

Иди, других ищи себе рабов:
Мне высшие права природа уделила.
Предам ли на позор высокий дар богов?
Продажна ли певца святая сила?
Чем трогает сердца восторженный поэт?
Какая сила в нем стихиями владеет?
Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,
Которою, творя, объемлет он весь свет?
Когда природа-мать движеньем равнодушным
Нить вечную влечет веретеном послушным;
Когда все сущее, сменяясь каждый час,
В нестройный, резкий хор сливается вокруг нас, —
Кто звуки мерные в порядке размещает,
Чьей речи верный ритм живителен и тверд?
Кто единичное искусно обобщает,
Объединяя все в торжественный аккорд?
Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,
В теченьи строгих дум — зари вечерней свет?

Весны роскошный лучший цвет
К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?
Кто цену придает незначашим листам,
В прославленный венок вплетая листья эти?
Кто стережет Олимп, кто друг и связь богам?
Мощь человечества, живущая в поэте!

К о м и к

И долг ваш — эту мощь на деле применить!
Итак, ловите же минуты вдохновенья,
Как ловит ловелас предлог для похождения!
Угодно ль, например, любовь изобразить?
Случайно сходятся, — взаимное сближенье,
Затем — свидания, надежды, опасенья:
То счастье близко к ним, то вновь уходит вдаль,
То ревность, то боязнь, то радость, то печаль, —
Глядишь — готов роман. И так-то все на свете.
Смелей лишь черпайте из жизни всех людей —
И для задуманной комедии своей
Не будете нуждаться вы в предмете.
Всяк испытал, конечно, чувства эти,
Но редкий знает, сколько в них чудес!
Где ни копните, — тут и интерес!
Картина попестрей, поменьше освещенья —
Да искра истины среди мрака заблужденья —
И смотришь, — славное сварили вы питье,
По вкусу каждому: в нем всяк найдет свое.
Цвет юности идет сюда, мечтая,
Что откровенье в пьесе он найдет,
И нежных душ чувствительная стая
Меланхоличной пищи сердцу ждет;
В одном одну мечту, в другом другую будит
Рассказ искусный ваш, и каждый зритель будет,
Ручаюсь, вашей пьесой восхищен:
Что в сердце у него, то в пьесе видит он!
Они еще непрочь и плакать, и смеяться,
Возвышенное чтить и блеском восхищаться;
Кто пожил, на того не угодишь ничем,
А тот, кто не созрел, — доволен будет всем!

П о э т

Отдай же годы мне златые,
Когда и сам я был незрел,
Когда я песни молодые,
Не уставая, вечно пел!

В тумане мир передо мною
Скрывался; жадною рукою
Повсюду я цветы срывал
И в каждой почке — чуда ждал.
Я беден был, — и все, что надо
Для счастья чистого, имел:
Стремленьем к истине кипел,
И бред мечты — мне был отрада!..
Отдай мне прежний жар в крови,
Мои порывы и стремленья,
Блаженство скорби, мощь любви
И мощной ненависти рвенья,
И годы юные мои!

К о м и к

Что юность! Юность вам нужнее,
Когда идете вы на бой,
Когда красавица порой
Сама на вашей виснет шее,
Когда конца своим трудам
Хотите быстро вы добиться,
Когда всю ночь придется вам
Плясать, и петь, и веселиться.
Но чтоб искусною рукой
Играть, восторги возбуждая,
И, ловко там и сям блуждая,
Стремиться к цели подставной,
За это старшие пускай берутся смело:
Тем больше будет вам почета, старики!
Что старость в детство нас приводит, — пустяки:
До самой старости мы — дети; вот в чем дело!

Д и р е к т о р

Довольно слов, довольно споров,
И комплиментов, и укоров!
Зачем болтать по пустякам?
Пора за дело взяться нам.
К чему такие затрудненья?
Что вдохновенья долго ждать?
Поэт — властитель вдохновенья:
Он должен им повелевать.
Что нужно нам — мы с вами знаем;
Напиток крепкий мы считаем
За лучший — дайте ж нам его!
Не забывайте ничего:

Что можно сделать неотложно,
Зачем на завтра оставлять?
Должны вы сразу уловлять
Все то, что нужно и возможно,
И уж из рук не выпускать!
Для нашей сцены все пригодно;
На ней — вы полный господин;
Берите сколько вам угодно,
И декораций, и машин,
Огней бенгальских, освещенья,
Зверей и прочего творенья,
Утесов, скал, огня, воды:
Ни в чем не будет вам нужды.
Весь мир на сцену поместите,
Людей и тварей пышный ряд —
И через землю с неба в ад
Вы мерной поступью пройдите!

ПРОЛОГ НА НЕБЕСАХ

Господь, архангелы, потом Мефистофель.

Р а ф а и л

Звуча в гармонии вселенной
И в хоре сфер гремя, как гром,
Златое солнце неизменно
Течет предписанным путем.
И крепнет сила упованья
При виде творческой руки:
Творец, как в первый день создания,
Твои творенья велики!

Г а в р и и л

И с непонятной быстротою,
Кружась, несется шар земной;
Проходят быстрой чередою
Сиянье дня и мрак ночной;
Бушует море на просторе,
У твердых скал шумит прибой,
Но в беге сфер земля и море
Проходят вечно предо мной.

М и х а и л

Грозя земле, волнуя воды,
Бушуют бури и шумят,

И грозной цепью сил природы
Весь мир таинственно объят.
Сверкает пламень истребления,
Грохочет гром по небесам,
Но вечным светом примиренья
Творец небес сияет нам.

В с е т р о е

И крепнет сила упования
При виде творческой руки:
Творец, как в первый день создания,
Твои творенья велики!

М е ф и с т о ф е л ь

Опять, о Господи, явился ты меж нас
За справкой о земле, — что делается с нею!
Ты с благосклонностью встречал меня не раз, —
И вот являюсь я меж челядью твоею.
Прости, не мастер я по части громких слов;
Но, если б пышный слог я в ход пустить решился,
Сам рассмеялся б ты, — ручаться я готов, —
Когда б от смеха ты давно не отучился.
Мне нечего сказать о солнцах и мирах:
Я вижу лишь одни мученья человека.
Смешной божок земли, всегда во всех веках
Чудак такой же он, как был в начале века!
Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света.
Что разумом зовет он: свойство это
Он на одно лишь смог употребить, —
Чтоб из скотов скотиной быть!
Позвольте мне, — хоть этикет здесь строгий, —
Сравненьем речь украсить: он на вид,
Ни дать, ни взять, — кузнечик долгоногий,
Который по траве то скачет, то взлетит
И вечно песенку старинную твердит.
И пусть еще в траве сидел бы он уютно,
Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.

Г о с п о д ь

Ты кончил? С жалобой одною
Являешься ты вечно предо мною!
Иль на земле добра совсем уж нет?

М е ф и с т о ф е л ь

Нет, что ни говори, а плох наш белый свет!
Бедняга человек! Он жалок так в страданы,
Что мучить бедняка и я не в состояньи.

Г о с п о д ь

Ты знаешь Фауста?

М е ф и с т о ф е л ь

Он доктор?

Г о с п о д ь

Он мой раб.

М е ф и с т о ф е л ь

Но не такой, как все; он служит по-иному;
Ни пить, ни есть не хочет по-земному;
Как сумасшедший, он рассудком слаб,
Что чувствует и сам среди сомнений;
Всегда в свои мечтанья погружен,
То с неба лучших звезд желает он,
То на земле всех высших наслаждений,
И в нем ничто, — ни близкое, ни даль —
Не может утолить грызущую печаль.

Г о с п о д ь

Пока еще умом во мраке он блуждает,
Но истины лучом он будет озарен;
Сажая деревцо, садовник уже знает,
Какой цветок и плод с него получит он.

М е ф и с т о ф е л ь

Бьюсь об заклад: он будет мой!
Прошу я только позволенья, —
Пойдет немедля он за мной.

Г о с п о д ь

Пока живет он на груди земной,
Тебе на то не будет запрещенья:
Блуждает человек, пока в нем есть стремленья.

М е ф и с т о ф е л ь

Благодарю: не надо мертвых мне!
От трупов я держуся в стороне.
Нет, дайте мне здорового вполне:
Таких я мертвецам всегда предпочитаю, —
Как кошка с мышью, с ними я играю.

Г о с п о д ь

Тебе позволено: иди
И завладей его душою,
И, если можешь, поведи
Путем превратным за собою, —
И посрамлен да будет сатана!
Знай: чистая душа в своем исканье смутном
Сознаньем истины полна!

М е ф и с т о ф е л ь

Сознаньем слабым и минутным!
Игра мне эта не страшна,
Не проиграю я заклада;
Но только знайте: если мне
Поддастся он, пусть будет мой вполне:
Триумф победы — вот моя награда!
Пусть вьется он в пыли, как тетушка моя,
Достопочтенная змея!

Г о с п о д ь

Тогда явись ко мне без колебанья!
К таким, как ты, вражды не ведал я...
Хитрец, среди всех духов отрицанья,
Ты меньше всех был в тягость для меня.
Слаб человек; покорствуя уделу,
Он рад искать покоя, — потому
Дам беспокойного я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!
А вы, сыны небес и рая, —
Пусть вечно радует вас красота святая,
И ко всему, что есть и будет вновь,
Пусть проникает вас священная любовь.
И все, что временно, изменчиво, туманно,
Обнимет ваша мысль, спокойно-постоянна.

Небо закрывается. Архангелы расходятся.

М е ф и с т о ф е л ь
(один)

Охотно старика я вижу иногда,
Хоть и держу язык; приятно убедиться,
Что даже важные такие господа
Умеют вежливо и с чертом обходиться!

Сцена 1

НОЧЬ

Старинная комната с высокими готическими сводами.
Фауст в беспокойной позе сидит у своего стола на высоком кресле.

Фауст

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! с усердьем и трудом
И в богословье я проник, —
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор я — уж вот
Тому пошел десятый год;
Учеников и вкривь и вкось
Вожу я за нос на авось —
И вижу все ж, что не дано нам знания.
Изныла грудь от жгучего страданья!
Пусть я разумней разных простаков, —
Писак, попов, магистров, докторов, —
Пусть не страдаю от пустых сомнений,
Пусть не боюсь чертей и привидений,
Пусть в самый ад спуститься я готов, —
Зато я радостей не знаю,
Напрасно истины ищу,
Зато, когда людей учу,
Их научить, улучшить — не мечтаю!
Притом я нищ: не ведаю, бедняк,
Ни почестей людских, ни разных благ...
Так пес не стал бы жить! Погибли годы!
Вот почему я магии решил
Предаться: жду от духа слов и сил,
Чтоб мне открылись таинства природы,
Чтоб не болтать, трудясь по пустыкам,
О том, чего не ведаю я сам,
Чтоб я постиг все действия, все тайны,
Всю мира внутреннюю связь;
Из уст моих чтоб истина лилась, —
Не слов пустых набор случайный!

О ясный месяц! Если б ныне,
В ночной печальной тишине,
В последний раз сиял ты мне
В моей тоске, моей кручине!
О, если б мог бродить я там

В твоём сиянии по горам,
Меж духов реять над вершиной,
В тумане плавать над долиной,
Науки праздный чад забыть,
Себя росой твоей омыть!..

Ещё ль в тюрьме останусь я?
Нора проклятая моя!
Здесь солнца луч в цветном окне
Едва-едва мелькает мне;
На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей, —
Они лежат и здесь и там,
Добыча пыли, снедь червей;
Реторт и банок целый ряд
В пыли с приборами стоят
На ветхих полках много лет.
И вот твой мир! И вот твой свет!

Ещё ль не ясно, почему
Изныла грудь твоя тоской
И больно сердцу твоему,
И жизни ты не рад порой?
Живой природы пышный цвет,
Творцом на радость данный нам,
Ты променял на тлен и хлам,
На символ смерти, на скелет!..

О, прочь! Беги, беги скорей
Туда, на волю! Нострадам
Чудесной книгою своей
Тебя на путь наставит сам.
К словам природы будь не глух, —
И ты узнаешь ход светил,
И дух твой будет полон сил,
Когда ответит духу — дух!
Чудесных знаков дивный вид
Сухой наш ум не объяснит.
О духи! Здесь вы в тишине
Витаете: ответьте мне!

(Раскрывает книгу и видит знак Макрокосма.)

Что за блаженство вновь в груди моей
Зажглось при этом виде, сердцу милом!
Как будто счастье жизни юных дней

Вновь заструилось пламенно по жилам!
Начертан этот знак не Бога ли рукой?
Он душу бурную смиряет,
Он сердце бедное весельем озаряет,
Он таинства природы раскрывает
Пред изумленную душу!
Не бог ли я? Светло и благодатно
Все вокруг меня! Здесь, с дивной глубиной,
Все творчество природы предо мной!
Теперь мне слово мудреца понятно:
«В мир духов нам доступен путь,
Но ум твой спит, изнемогая:
О ученик! восстань, купая
В лучах зари земную грудь!»
(Рассматривает изображение.)
Как в целом части все, послушную толпою
Сливаясь здесь, творят, живут одна другою!
Как силы горние в сосудах золотых
Разносят всюду жизнь божественной рукою
И чудным взмахом крыл лазоревых своих
Витают над землей и в высоте небесной —
И стройно все звучит в гармонии чудесной!
О, чудный вид! Но только вид — увь!
Мне не обнять природы необъятной!
И где же вы, сосцы природы, — вы,
Дарующие жизнь струею благодатной,
Которыми живет и небо, и земля,
К которым рвется так большая грудь моя?
Вы всех питаете, — что ж тщетно жажду я?
(Нетерпеливо перелистывая книгу, видит знак Духа Земли.)
Вот знак другой. Он чувства мне иные
Внушает. Дух Земли, ты ближе мне, родней!
Теперь себя я чувствую сильнее, —
Снесу и горе я, и радости земные.
Как будто бы вином живительным согрет,
Отважно ринусь я в обширный Божий свет;
Мне хочется борьбы, готов я с бурей биться —
И в час крушенья мне ли утрашиться?
Повсюду мрак и тишина,
Меж туч скрывается луна,
И лампа тихо угасает.
Над головою в вышине
Кровавый луч во мгле сверкает,
И в кровь, стесняя сердце мне,
Холодный ужас проникает.

О дух, ты здесь, ты близок — о, приди!
Как сердце бьется у меня в груди!
Всем существом, души всей мощным зовом
Я порываюсь к чувствам новым!
Явись, явись мне, — я всем сердцем твоей!
Пусть я умру — явись передо мной!
*(Закрывает книгу и таинственно произносит заклинание.
Вспыхивает красноватое пламя, в котором является Дух.)*

Д у х

Кто звал меня?

Ф а у с т

(отворачиваясь)

Ужасное виденье!

Д у х

Я вызван мощным голосом твоим:
К моей ты сфере льнул, ее ты порожденье, —
И вот...

Ф а у с т

Увы, твой вид невыносим!

Д у х

Не ты ли сам желал с тоской упорной
Увидеть лик, услышать голос мой?
Склонился я на зов отважный твой —
И вот я здесь! Но что за страх позорный,
Сверхчеловек, тобою овладел?
Где мощный зов души, где тот титан могучий,
Кто мир весь обнимал, кто мыслию кипучей
Сравниться с нами, духами, хотел?
Ты Фауст ли, кто звать меня посмел
Всей силою души неосторожной?
И что ж? Моим дыханьем обожжен,
Дрожит, в пыли вьязь и корчась, он,
Как червь презренный и ничтожный!

Ф а у с т

Во прах перед тобой я не склонюсь челом,
Знай: равен я тебе, дух пламенный, во всем!

Д у х

В буре деяний, в волнах бытия
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь...

Смерть и рожденье —
Вечное море;
Жизнь и движенье
В вечном просторе...
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

Ф а у с т

Ты целый мир обширный обнимаешь:
О деятельный дух, как близок я тебе!

Д у х

Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь, —
Не мне.

(Исчезает.)

Ф а у с т

(падая)

Не тебе!
Но кому ж?
Я, образ Божества,
Не близок и тебе!

Стучатся в дверь.

Стучатся. Знаю я: помощник это мой!
Погибло все! О смерть, о муки!
Да, он пришел смутить видений чудный рой,
Ничтожный червь сухой науки!

Отворяется дверь. Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, держа лампу в руке. Фауст с неудовольствием отворачивается.

В а г н е р

Простите! Что-то вслух читали вы сейчас:
Из греческой трагедии, конечно?
Вот в этом преуспеть желал бы я сердечно:
Ведь декламация в большой цене у нас!
Случалось слышать мне, что может в деле этом
Актер священнику помочь своим советом.

Ф а у с т

Да, если патер ваш актер и сам, —
Как мы нередко видим здесь и там.

В а г н е р

Что ж делать? Мы живем всегда в уединеньи;
Едва по праздникам покинешь свой музей,

И то, как в телескоп, свет видишь в отдалении.
Без красноречия — как нам учить людей?

Ф а у с т

Когда в вас чувства нет, — все это труд бесцельный;
Нет, из души должна стремиться речь,
Чтоб прелестью правдивой, неподдельной
Сердца людские тронуть и увлечь!
А вы? сидите да кропайте,
С чужих пиров объедки подбирайте —
И будет пестрый винегрет
Поддельным пламенем согрет.
Когда таков ваш вкус, — пожалуй, этим
Вы угодите дуракам и детям;
Но сердце к сердцу речь не привлечет,
Коль не из сердца ваша речь течет.

В а г н е р

Нет, лекций красота дает-таки успех!
Но в этом, признаюсь, я поотстал от всех.

Ф а у с т

Ищи заслуги честной и бесспорной!
К чему тебе колпак шута позорный?
Когда есть ум и толк в словах у нас,
Речь хороша и без прикрас.
И если то, что говорится, дельно, —
Играть словами разве не бесцельно?
Да, ваши речи, с праздным блеском их,
В обман лишь вводят вычурой бесплодной.
Не так ли ветер осени холодной
Шумит меж листьев мертвых и сухих?

В а г н е р

Ах, боже мой, наука так пространна,
А наша жизнь так коротка!
В критических трудах корплю я неустанно,
И все-таки порой грызет меня тоска.
Как много надо сил душевных, чтоб добраться
До средств лишь, чтоб одни источники найти;
А тут — того гляди — еще на полпути
Придется бедняку и с жизнью расстаться.

Ф а у с т

В пергаменте ль найдем источник мы живой?
Ему ли утолить высокие стремленья?

О нет, в душе своей одной
Найдем мы ключ успокоенья!

В а г н е р

Простите: разве мы не с радостью следим
За духом времени, — за много лет пред нами
Как размышлял мудрец, и как, в сравненьи с ним,
Чудесно далеко подвинулись мы сами?

Ф а у с т

О да, до самых звезд! Ужасно далеко!
Мой друг, прошедшее постичь не так легко:
Его и смысл, и дух, насколько не забыты, —
Как в книге за семью печатями сокрыты.
То, что для нас на первый, беглый взгляд
Дух времени, — увы! — не что иное,
Как отраженье века временное
В лице писателя: его лишь дух и склад!
От этого в отчаянье порою
Приходишь: хоть беги, куда глаза глядят!
Все пыльный хлам да мусор пред тобою,
И рад еще, когда придется прочитать
О важном «действе», с пышным представленьем
И наставительным в конце нравоученьем,
Как раз для кукольной комедии подстасть!

В а г н е р

А мир? А дух людей, их сердце? Без сомненья,
Всяк хочет что-нибудь узнать на этот счет.

Ф а у с т

Да; но что значит — знать? Вот в чем все затрудненья!
Кто верным именем младенца наречет?
Где те немногие, кто век свой познавали,
Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали,
С безумной смелостью к толпе навстречу шли?
Их распинали, били, жгли...
Однако поздно: нам пора расстаться;
Оставим этот разговор.

В а г н е р

А я — хоть навсегда готов бы здесь остаться,
Чтоб только продолжать такой ученый спор!
Ну, что ж: хоть завтра, в Пасху, в воскресенье, —

Позвольте вам еще вопрос-другой задать.
Ужасное во мне кипит к наукам рвенье;
Хоть много знаю я, но все хотел бы знать.

(Уходит.)

Ф а у с т
(один)

Он все надеется! Без скуки безотрадной
Копается в вещах скучнейших и пустых;
Сокровищ ищет он рукою жадной, —
И рад, когда червей находит дождевых!..
И как слова его раздаться здесь могли,
Где духи реяли, всего меня волнует!
Увы! Ничтожнейший из всех сынов земли, —
На этот раз тебя благодарю я!
Ты разлучил меня с отчаяньем моим;
А без тебя я впал бы в исступленье:
Так грозно-велико восстало то виденье,
Что карликом себя я чувствовал пред ним!
К зеркалу истины, сияющей и вечной,
Я, образ Божества, приблизиться мечтал,
Казалось, я быть смертным перестал
В сиянии небес и в славе бесконечной;
Превыше ангелов я был в своих мечтах,
Весь мир хотел обнять и, полный упоенья,
Как бог, хотел вкусить святого наслажденья —
И вот возмездие за дерзкие стремленья:
Я словом громовым повержен был во прах!
О нет, не равен я с тобою,
Тебя я вызвать мог тоскующей душою,
Но удержать тебя я силы не имел:
Так мал я, так велик казался, — но жестоко
Ты оттолкнул меня; одно мгновенье ока —
И вновь я человек, — безвестен мой удел!

Кто ж скажет мне, расстаться ли с мечтами?
Чего бежать? Куда идти?
Увы, себе своими ж мы делами
Преграды ставим на пути!
К высокому, прекрасному стремиться
Житейские дела мешают нам,
И если благ земных нам удалось добиться,
То блага высшие относим мы к мечтам.
Увы, теряем мы средь жизненных волнений

И чувства лучшие, и цвет своих стремлений.
Едва фантазия отважно свой полет
К высокому и вечному направит, —
Она себе простора не найдет:
Ее умолкнуть суета заставит.
Забота тайная тяжелою тоской
Нам сердце тяготит и мучит нас кручиной,
И сокрушает нам и счастье, и покой,
Являясь каждый день под новою личиной.
Нам страшно за семью, нам жаль детей, жены;
Пожара, яда мы страшимся в высшей мере;
Пред тем, что не грозит, дрожать обречены,
Еще не потеряв, — уж плачем о потере.
Да, отрезвился я — не равен я богам!
Пора сказать «прости» безумным тем мечтам!
Во прахе я лежу, как жалкий червь, убитый
Пятою путника, и смятый и зарытый.

Да, я во прахе! Полки по стенам
Меня мучительно стесняют:
Дрянная ветошь, полусгнивший хлам
На них лежат и душу мне терзают.
Все пыльный сор да книги! Что мне в них?
И должен ли прочесть я эти сотни книг,
Чтоб убедиться в том, что в мире все страдало
Всегда, как и теперь, и что счастливых мало?
Ты, череп, что в углу смеешься надо мной,
Зубами белыми сверкая?
Когда-то, может быть, как я, владелец твой
Блуждал во тьме, рассвета ожидая!
Насмешливо глядит приборов целый строй,
Винты и рычаги, машины и колеса.
Пред дверью я стоял, за ключ надежный свой
Считал вас... Ключ хитер, но все же двери той
Не отопрет замка, не разрешит вопроса!
При свете дня покрыта тайна мглой,
Природа свой покров не снимет перед нами;
Увы, чего не мог постигнуть ты душой,
Не объяснить тебе винтом и рычагами!
Вот старый инструмент, ненужный мне, торчит:
Когда-то с ним отец мой много повозился;
Вот этот сверток здесь давным-давно лежит
И весь от лампы копотью покрылся.
Ах, лучше бы весь скарб я промотал скорей,
Чем вечно, здесь потеть под гнетом мелочей!

Что дал тебе отец в наследное владенье,
Приобрети, чтоб им владеть вполне;
В чем пользы нет, — то тягостно вдвойне,
А польза только в том, что даст тебе мгновенье.

Но что там за сосуд? Он мощно, как магнит.
Влечет меня к себе, блестящий, милый взору!
Так сладко нам, когда нам заблестит
В лесу луна в ночную пору.

Привет тебе, единственный фиал,
Который я беру с благоговеньем!
В тебе готов почтить я с умилением
Весь ум людей, искусства идеал!
Вместилище снов тихих, непробудных,
Источник сил губительных и чудных, —
Служи владыке своему вполне!
Взгляну ли на тебя — смягчается страданье;
Возьму ли я тебя — смиряется желанье.
И буря улеглась в душевной глубине.
Готов я в дальний путь! Вот океан кристальный
Блестит у ног моих поверхностью зеркальной,
И светит новый день в безвестной стороне!
Вот колесница в пламени сиянья
Ко мне слетает! Предо мной эфир
И новый путь в пространствах мирозданья.
Туда готов лететь я — в новый мир.
О наслажденье жизнью неземною!
Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь земли?
Да, решено: оборотись спиною
К земному солнцу, что блестит вдали,
И грозные врата, которых избегает
Со страхом смертный, смело сам открой
И докажи, пожертвовав собой,
Что человек богам не уступает.
Пусть перед тем порогом роковым
Фантазия в испуге замирает;
Пусть целый ад с огнем своим
Вокруг него сверкает и зияет, —
Мужайся, соверши с весельем смелый шаг,
Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак!

Приди ж ко мне, кристальный мой бокал,
Покинь футляр, под слоем пыли скрытый!
Как долго ты лежал, презренный и забытый!

На дедовских пирах когда-то ты сверкал,
Гостей суровых веселя беседу,
Когда тебя сосед передавал соседу.
Краса резьбы причудливой твоей,
Обычай толковать в стихах ее значенье
И залпом осушать всю чашу в заключение —
Напоминают мне попойки юных дней.
Не пировать уж мне, тебя опорожня,
Не изощрять мой ум, узор твой объясняя!
Хмелен напиток мой, и темен зелья цвет:
Его сготовил я своей рукою,
Его избрал всем сердцем, всей душою, —
В последний раз я пью и с чашей роковою
Приветствую тебя, неведомый рассвет!
(Подносит к губам бокал. Звон колоколов и хоровое пение.)

Х о р а н г е л о в
Христос воскрес!
Тьмой окруженные,
Злом зараженные,
Мир вам, прощенные
Люди, с Небес!

Ф а у с т

О звук божественный! Знакомый сердцу звон
Мне не дает испить напиток истребления.
Его я узнаю: нам возвещает он
Божественную весть Святого воскресенья.
В ту ночь, когда с землей сроднились небеса,
Не так ли ангелов звучали голоса
Святым залогом искупленья?

Х о р ж е н щ и н
Щедро мы лили
Миро душистое,
В гроб положили
Тело пречистое;
В ткань плащаницы
Был облечен Христос, —
Кто ж из гробницы
Тело унес?

Х о р а н г е л о в
Христос воскрес!
Кто средь мучения,
В тьме искушения

Ищет спасения, —
Мир вам с небес!

Ф а у с т

О звуки сладкие! Зовете мощно вы
Меня из праха — вновь в иные сферы!
Зовите тех, чьи души не черствы,
А я — я слышу весть, но не имею веры!
Меня ли воскресить? Могу ли верить я?
А чудо — веры есть любимое дитя!
Стремиться в горний мир, откуда весть нисходит,
Не смею я; туда пути мне нет...
И все же милый звон, знакомый с юных лет,
Меня, как прежде, к жизни вновь приводит.
В субботу тихую касалась меня
Небесная любовь святым своим лобзаньем,
И звон колоколов пленял очарованьем,
И вся молитвою пылала грудь моя.
Влекомый силою какой-то непонятной,
Я уходил в леса, бродил в тиши полей,
И за слезой слеза катилась благодатно,
И новый мир вставал в душе моей.
Все, все мне вспомнилось, — и юности отвага,
И счастье вольное, краса моей весны...
О нет! Не сделаю я рокового шага:
Воспоминанием все муки смягчены!
О звуки дивные! Гремите ж надо мною!
Я слезы лью, мирюсь я с жизнью земною!

Х о р у ч е н и к о в

Гроб покидает Он,
Смерть побеждая;
К небу взлетает Он,
Славой блистая;
Мир озаряет весь
Светом спасения;
Нас оставляет здесь
В области тления.
Здесь мы томимся все
В тяжелой борьбе!
Сердцем стремимся все,
Боже, к Тебе!

Х о р а н г е л о в

Чуждый нетления,
Мощно Христос восстал!

Узы мучения
Он разорвал!
Вам, здесь страдающим,
Всех утешающим,
Ближних питающим,
В рай призывающим, —
Близок Учитель вам:
С вами Он сам!

Сцена 2

ЗА ГОРОДСКИМИ ВОРОТАМИ

Гуляющие выходят из ворот.

Несколько подмастерьев
Эй, вы! Куда вы, господа?

Другие
В охотный двор. А вы куда?

Первые
На мельницу!

Один из подмастерьев
Пойдем к прудам!

Второй подмастерье
Бог с ними!
Туда дорога чересчур худа.

Вторая группа подмастерьев
А ты?

Третий подмастерье
Пойду куда-нибудь с другими.

Четвертый
В Бургдорф наведаться советую я вам!
Какие девушки, какое пиво там!
А драка — первый сорт! Пойдемте-ка, ребята!

Пятый
Знать, чешется спина: всё драки подавай.
Вот, погоди, намнут тебе бока-то.
Ступай-ка сам, — меня не зазывай.

Служанка
Нет, нет! Вернуться надо мне скорее.

Д р у г а я

Куда? Он, верно, там, у тополей, в аллее.

П е р в а я

Да мне-то что за радость в нем?

Он вечно ходит за тобою,

Болтает, пляшет не со мною:

Что мне в веселии твоём?

В т о р а я

Да мы пойдем не с ним одним:

Кудрявый тоже будет с ним.

С т у д е н т

Эх, девки, чорт возьми! Смотри, бегут как живо!

А что, коллега, надо их догнать!

Забористый табак, да пенистое пиво,

Да девушка-краса, — чего еще желать!

Д е в у ш к а - г о р о ж а н к а

Вот так молодчики! Как им не удивляться!

Ведь это просто стыд и срам!

Могли бы в обществе отличным прогуляться, —

Нет! за служанками помчались по пятам!

В т о р о й с т у д е н т

(первому)

Постой: вон две идут другие;

Из них соседка мне одна.

Мне очень нравится она.

Смотри, нарядные какие!

Не торопись, идут они шажком

И, верно, ждут уж нас тайком.

П е р в ы й с т у д е н т

Эх, братец, брось! Стесняться неохота.

Скорей вперед: дичь может ускакать!

Чья ручка пол метет, когда придет суббота, —

Та в праздник лучше всех сумеет приласкать.

Г о р о ж а н и н

Нет, новый бургомистр ни к черту не годится.

Что день, то больше он гордится.

А много ль город видит пользы в нем?

Что день, то хуже, без сомненья;

Все только больше подчиненья

Да платим мы все больше с каждым днем.

Н и щ и й

(поет)

Веселой, пестрою толпою
Вы здесь идете, господа;
Взгляните, сжальтесь надо мною, —
Да тронет вас моя нужда!
Услышьте голос мой молящий!
Лишь тот блажен, кто может дать.
О, пусть день праздника блестящий
Днем сытым буду я считать!

Д р у г о й г о р о ж а н и н

Люблю послушать я, как в праздник соберутся
Потолковать о битвах, о войне.
Как где-то в Турции, в далекой стороне.
Народы режутся и бьются.
Стаканчик свой держа, стою перед окном,
И барки по реке проходят предо мною;
А после к вечеру иду себе в свой дом,
Благословляя мир спокойною душою.

Т р е т и й г о р о ж а н и н

Так, так, сосед! Мы смирно здесь живем,
А там, кто хочет, пусть себе дерется!
Перевернись весь свет вверх дном, —
Лишь здесь по-старому пускай все остается!

С т а р у х а

(девушкам-горожанкам)

Вишь, как разряжены, — что розан молодой!
Ах, вы красавицы! Ну, как в вас не влюбиться?
Что гордо смотрите? Не брезгайте вы мной:
Старушка может пригодиться.

Д е в у ш к а - г о р о ж а н к а

Сюда, Агата! От старухи — прочь!
Нам с ведьмой говорить при людях неприлично.
А знаешь ли, — у ней в Андреевскую ночь,
В гаданьи, суженый явился мне отлично.

Д р у г а я

У ней я тоже видела его:
Мне в зеркале колдунья показала.
Военный, — как хорош! Уж я его искала,
Да встретить не могу, не знаю отчего.

С о л д а т ы
Башни с зубцами,
Нам покоритесь!
Гордые девы,
Нам улыбнитесь!
Все вы сдадитесь!
Славная плата
Смелым трудам!
Подвиг солдата
Сладостен нам.
Сватаны все мы
Звонкой трубою
К радости шумной,
К смертному бою.
В битвах и штурмах
Дни наши мчатся;
Стены и девы
Нам покорятся.
Славная плата
Смелым трудам!
Миг — и солдата
Нет уже там.

[Фауст и Вагнер.]

Ф а у с т

Умчались в море разбитые льдины;
Живую улыбкой сияет весна;
Весенней красою блистают долины;
Седая зима ослабела: в теснины,
В высокие горы уходит она.
Туда она прячется в злобе бесплодной
И сыплет порою метелью холодной
На свежую, нежную зелень весны, —
Но солнце не хочет терпеть белизны;
Повсюду живое стремленье рождается,
Все вырасти хочет, спешит расцветиться,
И если поляна еще не цветет,
То, вместо цветов, нарядился народ.

Взгляни, обернись: из-под арки старинной
Выходит толпа вереницею длинной;
Из душного города в поле, на свет
Теснится народ, оживлен, разодет, —
Погреться на солнце для всех наслажденье.

Они торжествуют Христа воскресенье —
И сами как будто воскресли они:
Прошли бесконечные зимние дни;
Из комнаты душной, с работы тяжелой,
Из лавок, из тесной своей мастерской,
Из тьмы чердаков, из-под крыши резной
Народ устремился гурьбою веселой,
И, после молитвы во мраке церкви,
Ласкает их воздух зеленых полей.
Смотри же, смотри: и поля, и дорога
Покрыты веселой и пестрой толпой;
А там, на реке, и возня, и тревога,
И лодок мелькает бесчисленный рой.

И вот уж последний челнок, нагруженный,
С усилием отчалил, до края в воде;
И даже вверху, на горе отдаленной,
Виднеются пестрые платья везде.

Чу! Слышится говор толпы на поляне;
Тут истинный рай им! Ликуют селяне,
И старый, и малый, в веселом кругу.
Здесь вновь человек я, здесь быть им могу!

В а г н е р

Люблю прогулку, доктор, с вами,
В ней честь и выгода моя;
Но враг я грубого, — и не решился б я
Остаться здесь один меж мужиками.
Их кегли, скрипки, крик и хоровод
Переношу я с сильным отвращеньем:
Как бесом одержим, кривляется народ, —
И это он зовет весельем, пляской, пеньем!

К р е с т ь я н е

(танцует под липой; пляска и пение)

Пустился в пляску пастушок;
На нем и ленты, и венки,
И куртка красовалась.
Народ под липами кишел,
И танец бешеный кипел,
И скрипка заливалась.

В толпу немедля он влетел
И локтем девушку задел

Для первого начала.
Но бойко девушка глядит:
«Как это глупо, — говорит: —
Потише б не мешало!»

Но он, обвив ее рукой,
Пустился с нею в пляс лихой, —
Лишь юбки развевались.
Ее он поднял на локте,
Им стало жарко в тесноте,
И оба задыхались.

«Пусти, — меня не проведешь!
Я знаю: ласки ваши — ложь,
И клятвы ваши зыбки!»
Но он, обняв ее, влечет,
А там, вдали, шумит народ,
И льются звуки скрипки.

С т а р ы й к р е с ь т ь я н и н
Прекрасно с вашей стороны,
Что вы пришли в веселый час!
Вы так учены и умны,
А не забыли и о нас.
Вас кружкой лучшего питья
Народ признательный дарит, —
И громко здесь желаю я:
Пусть грудь она вам освежит,
И — сколько капель чистых в ней, —
Дай бог вам столько светлых дней.

Ф а у с т

Я за здоровье ваше пью,
А за привет — благодарю.

Народ собирается вокруг.

С т а р и к

Да, мысль благая — посетить
Народ теперь, в веселый час:
Но вам случалось приходить
И в дни беды, трудясь для нас.
Не мало здесь стоит таких,
Которых ваш отец лечил:
От верной смерти спас он их
И нам заразу потушил.

Тогда ты, юноша, за ним
Везде ходил среди больных,
Отважен, чист и невредим
Меж трупов, гноем залитых, —
И жив остался покровитель:
Хранил спасителя Спаситель.

Н а р о д

Ученый муж, ты многих спас;
Живи ж сто лет, спасая нас!

Ф а у с т

Склонитесь лучше перед тем,
Кто учит всех и благ ко всем.
(Идет с Вагнером дальше.)

В а г н е р

Что должен был ты, муж великий, ощутить,
Услышав эту речь и эти восклицанья!
О, счастлив, кто дары свои и знания
С такою пользой мог употребить!
Приход твой мигом изменил картину:
Отец тебя показывает сыну,
Бегут, спешат, теснятся все вокруг:
Замолк скрипач, затихла пляска вдруг;
Проходишь ты, — они стоят рядами,
И шапки вверх летят все тут!
Еще момент, — и ниц они падут,
Как пред Священными дарами.

Ф а у с т

Пойдем туда: на камне том
Присядем мы и отдохнем немного.
Не раз я здесь сидел, томя себя постом,
Молясь и призывая Бога.
С надеждой, с верою в Творца,
В слезах, стена, ломая руки,
Для язвы злой, для страшной муки
Просил я скорого конца.
Слова толпы звучат насмешкой злою
В ушах моих, и знаю я один,
Как мало мы, отец и сын,
Гордиться можем этой похвалою.
Отец мой, темный труженик, в тиши
Над тайнами природы тщетно бился:
В ее круги святые он стремился

Проникнуть всеми силами души —
По-своему, но честно. Меж адептов
Сидел он в черной кухне взаперти
И силился бальзам целительный найти,
Мешая разных множество рецептов!
Являлся красный лев, — и был он женихом,
И в теплой жидкости они его венчали
С прекрасной лилией, и грели их огнем,
И из сосуда их в сосуд перемещали.
И вслед — блиставшую лучами всех цветов
Царицу юную в стекле мы получали:
Целительный напиток был готов.
И стали мы лечить. Удвоились мученья:
Больные гибли все без исключения,
А выздоравливал ли кто, —
Спросить не думали про то.
Вот наши подвиги леченья!
Средь этих гор губили мы
Страшной губительной чумы!
Я сам дал тысячам отраву:
Их нет, — а я живу... И вот —
В моем лице воздал народ
Своим убийцам — честь и славу!

В а г н е р

Ну, стоит ли об этом вам тужить!
Довольно, если правильно и честно
Сумели вы все к делу приложить,
Что от других вам сделалось известно.
Как юноша, трудам отца почет
Воздали вы, — он был доволен вами;
Потом науку двинули вы сами,
А сын ваш — снова далее пойдет!

Ф а у с т

О, счастлив тот, кому дана отрада —
Надежда выбраться из непроглядной тьмы!
Что нужно нам, — того не знаем мы,
Что ж знаем мы, — того для нас не надо.
Но перестань: не будем отравлять
Прекрасный этот час печальными речами.
Взгляни: уж солнце стало озарять
Сады и хижины прощальными лучами.
Оно заходит там, скрывайся вдали,
И пробуждает жизнь иного края...

О, дайте крылья мне, чтоб улететь с земли
И мчаться вслед за ним, в пути не устая!
И я увидел бы в сиянии лучей
У ног моих весь мир: и спящие долины,
И блеском золотым горящие вершины,
И реку в золоте, и в серебре ручей.
Ущелья диких гор с высокими хребтами
Стеснить бы не могли стремления души:
Предстали бы моря, заснувшие в тиши,
Пред изумленными очами.
Вот солнце скрылось, — но в душе больной
Растет опять могучее желанье
Лететь за ним и пить его сиянье,
Ночь видеть позади и день передо мной,
И небо в вышине, и волны под ногами.
Прекрасная мечта! Но день уже погас.
Увы, лишь дух парит, от тела отрешась, —
Нельзя нам воспарить телесными крылами!
Но подавить нельзя подчас
В душе врожденное стремленье,
Стремленье в высь, когда до нас
Вдруг долетает жаворонка пенье
Из необъятной синевы небес, —
Когда, внизу оставя дол и лес,
Орел парит свободно над горами,
Иль высоко под облаками
К далекой родине своей
Несется стая журавлей.

В а г н е р

Хандрил и я частенько, без сомнения,
Но не испытывал подобного стремленья.
Ведь скоро надоест — в лесах, в полях блуждать...
Нет, что мне крылья и зачем быть птицей!
Ах, то ли дело поглощать
За томом том, страницу за страницей!
И ночи зимние так весело летят,
И сердце так приятно бьется!
А если редкий мне пергамент попадетсЯ,
Я просто в небесах и бесконечно рад.

Ф а у с т

Тебе знакомо лишь одно стремленье,
Другое знать — несчастье для людей.
Ах, две души живут в больной груди моей,

Друг другу чуждые, — и жаждут разделенья!
Из них одной мила земля, —
И здесь ей любо, в этом мире,
Другой — небесные поля,
Где духи носятся в эфире.
О духи, если вы живете в вышине
И властно реете меж небом и землею, —
Из сферы золотой спуститесь вы ко мне
И дайте жить мне жизнию иною!
О, как бы я плащу волшебному был рад,
Чтоб улететь на нем к неведомому миру!
Я б отдал за него роскошнейший наряд,
Его б не променял на царскую порфиру!

В а г н е р

Не призывай знакомый этот рой,
Разлитый в воздухе, носящийся над нами;
От века он душе людской
Грозит со всех концов и горем, и бедами.
То мчатся с севера, и острый зуб их лют,
И языком они язвят нас, как стрелую;
То от востока к нам они бездожде шлют
И сушат нашу грудь чахоткой злою;
То, если из пустынь пошлет их жаркий юг, —
Они палящий зной над головой нам копят;
То с запада они примчат прохладу вдруг, —
А после нас самих, луга и нивы топят.
Они спешат на зов, готова гибель нам:
Они покорствуют, в обман увлечь желая,
Уподобляются небес святым послам,
И пенью ангелов подобна ложь их злая.
Однако нам домой пора давно:
Туман ложится, холодно, темно...
Да, только вечером мы ценим дом укромный!
Но что ж ты стал? И чем в долине темной
Твое вниманье так привлечено?
Чего твой взор во мгле туманной ищет?

Ф а у с т

Ты видишь — черный пес по ниве рыщет?

В а г н е р

Ну да; но что ж особенного в том?

Ф а у с т

Всмотрись получше: что ты видишь в нем?

В а г н е р

Да просто пудель перед нами:
Хозяина он ищет по следам.

Ф а у с т

Ты видишь ли: спиральными кругами
Несется он все ближе, ближе к нам.
Мне кажется, что огненным потоком
Стремятся искры по следам его.

В а г н е р

Ты в зрительный обман впадаешь ненароком:
Там просто черный пес — и больше ничего.

Ф а у с т

Мне кажется, что нас он завлекает
В магическую сеть среди кругов своих.

В а г н е р

Искал хозяина — и видит двух чужих!
Взгляни, как к нам он робко подбегает.

Ф а у с т

Круги тесней, тесней... Вот он уж близок к нам.

В а г н е р

Конечно, пес как пес — не призрак: видишь сам!
То ляжет, то, ворча, помчится без оглядки,
То хвостиком вильнет: собачьи все ухватки!

Ф а у с т

Иди сюда! Ступай за нами вслед!

В а г н е р

Да, с этим псом — конца забавам нет;
Стоишь спокойно, — ждет он терпеливо;
Окликнешь, — он к тебе идет;
Обронишь вещь, — он мигом принесет;
Брось палку в воду, — он достанет живо.

Ф а у с т

Ты прав, я ошибался. Да:
Все дрессировка тут, а духа ни следа.

В а г н е р

Да, вот к такой собаке прирученной
Привяжется порой и муж ученый.

Воспитанник студентов удалых,
Пес этот стоит милостей твоих.

Они входят в городские ворота.

Сцена 3

КАБИНЕТ ФАУСТА

Фауст входит с пуделем.

Фауст

Покинул я поля и нивы;
Они туманом облеклись.
Душа, смири свои порывы!
Мечта невинная, проснись!
Утихла дикая тревога,
И не бушует в жилах кровь:
В душе воскресла вера в Бога,
Воскресла к ближнему любовь.

Пудель, молчи, не мечись и не бейся:
Полно тебе на пороге ворчать;
К печке поди, успокойся, согрейся, —
Можешь на мягкой подушке лежать.
Нас потешал ты дорогою длинной,
Прыгал, скакал и резвился весь путь;
Ляг же теперь и веди себя чинно.
Гостем приветливым будь.

Когда опять в старинной келье
Заблещет лампа, друг ночей,
Возникнет тихое веселье
В душе смирившейся моей,
И снова мысли зароятся,
Надежда снова зацветет —
И вновь туда мечты стремятся,
Где жизни ключ струею бьет.

Пудель, молчи! К этим звукам небесным,
Так овладевшим моею душой,
Кстати ль примешивать дикий твой вой?
Часто у нас над прекрасным и честным
Люди смеются насмешкою злой,
Думы высокой понять не умея.

Злобно ворчат лишь, собой не владея.
Так ли ты, пудель, ворчишь предо мной?
На горе мне! Довольства и смиренья
Уже не чувствует больная грудь моя.
Зачем иссяк ты, ключ успокоенья?
Зачем опять напрасно жажду я?
Увы, не раз испытывал я это!
Но чтоб утрату счастья заменить,
Мы неземное учимся ценить
И в Откровеньи ждем себе ответа,
А луч его всего ясней горит
В том, что Завет нам Новый говорит.
Раскрою ж текст я древний, вдохновенный,
Проникнусь весь святою стариной
И честно передам я подлинник священный
Наречью милому Германии родной.
(Открывает книгу и собирается переводить.)
Написано: «В начале было Слово» —
И вот уже одно препятствие готово:
Я слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало.
Я напишу, что Мысль — всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка

От истины была не далека!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли — начало всех начал?
Пишу, — и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул — и выход вижу я:
В Деянии начало бытия!

Пудель, не смей же визжать и метаться,
Если желаешь со мною остаться!
Слишком докучен товарищ такой:
Мне заниматься мешает твой вой.
Я или ты; хоть и против охоты,
Гостя прогнать принужден я за дверь.
Ну, выходи же скорее теперь:
Путь на свободу найдешь тут легко ты.

Но что я вижу? Явь иль сон?
Растет мой пудель, страшен он,
Громаден! Что за чудеса!

В длину и в ширину растет!
Уж не походит он на пса!
Глаза горят; как бегемот,
Он на меня оскалил пасть!
О, ты мою узнаешь власть!
Ключ Соломона весь свой вес
Тебе покажет, полубес!

Д у х и
(в коридоре)

Он попался! Поспешим!
Но входить нельзя за ним.
Как лиса среди тенет,
Старый бес сидит и ждет.
Так слетайся же скорей,
Осторожных духов рой,
И старайся всей толпой,
Чтоб избегнул он цепей.
В эту сумрачную ночь
Мы должны ему помочь.
Он велик, могуч, силен:
Помогал не раз нам он!

Ф а у с т

Для покоренья зверя злого
Скажу сперва четыре слова:
Саламандра, пылай!
Ты, Сильфида, летай!
Ты, Ундина, клубись!
Домовой — ты трудись!
Стихии четыре
Царят в этом мире;
Кто их не постиг,
Их сил не проник, —
Чужда тому власть,
Чтоб духов заковать.
Исчезни в огне,
Саламандра!
Разлейся в волне
Ты, Ундина!
Звездой просверкай
Ты, Сильфида!
Помощь домашнюю дай,
Incubus, Incubus,

Выходи, чтоб закончить союз!
Нет, ни одной из четырех
В ужасном звере не таится:
Ему не больно; он прилег
И скалит зубы, и глумится.
Чтоб духа вызвать и узнать,
Сильней я буду заклинать.
Но знай же: если ты, наглец,
Из ада мрачного беглец,
То вот — взгляни — победный знак!
Его страшатся ад и мрак,
Ему покорны духи праха.
Пес ошетинился от страха!
Проклятое создание!
Прочтешь ли ты названье
Его, несотворенного,
Его, неизреченного,
И смерть, и ад поправшего,
И на кресте страдавшего!
Страшен, грозен, громаден, как слон,
Вырастает за печкою он,
И в тумане он хочет разлиться!
Он весь свод наполняет собой.
Мрачный дух, повелитель я твой:
Предо мною ты должен склониться,
Не напрасно грозил я крестом:
Я сожгу тебя Божьим огнем!
Не жди же теперь от меня
Трижды святого огня!
Не жди, говорю, от меня
Сильнейшего в таинстве нашем!

Туман рассеивается, из-за печи является М е ф и с т о ф е л ь
в одежде странствующего схоласта.

М е ф и с т о ф е л ь

К чему шуметь? Я здесь к услугам вашим.

Ф а у с т

Так вот кто в пуделе сидел;
Схоласт, в собаке сокровенный!
Смешно!

М е ф и с т о ф е л ь

Привет мой вам, науки жрец почтенный!
По вашей милости изрядно я вспотел.

Ф а у с т

Как звать тебя?

М е ф и с т о ф е л ь

Вопрос довольно мелочной
В устах того, кто слово презирает
И, чуждый внешности пустой,
Лишь в суть вещей глубокий взор вперяет.

Ф а у с т

Чтоб узнать о вашем брате суть,
На имя следует взглянуть.
По специальности прозвание вам дается:
Дух злобы, демон лжи, коварства — как придется.
Так кто же ты?

М е ф и с т о ф е л ь

Частица силы я,
Желавшей вечно зла, творившей лишь благое.

Ф а у с т

Кудряво сказано; а проще — что такое?

М е ф и с т о ф е л ь

Я отрицаю все — и в этом суть моя,
Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,
Годна вся эта дрянь, что на земле живет.
Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться!
Короче, все, что злом ваш брат зовет, —
Стремленье разрушать, дела и мысли злые,
Вот это все — моя стихия.

Ф а у с т

Ты мне сказал: «я часть»; но весь ты предо мной?

М е ф и с т о ф е л ь

Я скромно высказал лишь правду, без сомненья.
Ведь это только вы мирок нелепый свой
Считаете за все, за центр всего творенья!
А я — лишь части часть, которая была
Вначале все, той тьмы, что свет произвела,
Надменный свет, что спорить стал с рожденья
С могучей ночью, матерью творенья.
Но все ж ему не дорасти до нас!
Что б он ни породил, — все это каждый раз
Неразделимо связано с телами,
Произошло от тел, прекрасно лишь в телах,

В границах тел должно всегда остаться,
И — право, кажется, недолго дожидаться, —
Он сам развалится с телами в пух и прах.

Ф а у с т

Так вот твое высокое значенье!
Великое разрушить ты не мог,
Тогда по мелочам ты начал разрушенье!

М е ф и с т о ф е л ь

Что делать! Да и тут старался я не впрок.
Дрянное Нечто, мир ничтожный,
Соперник вечного Ничто,
Стоит, не глядя ни на что,
И вред выносит всевозможный:
Бушует ли потоп, пожары, грозы, град, —
И море, и земля по-прежнему стоят.
С породой глупую звериной и людскою
Бороться иногда мне не хватает сил —
Ведь скольких я уже сгубил,
А жизнь течет себе широкою рекою.
Да, — хоть с ума сойти, — все в мире так ведется,
Что в воздухе, в воде и на сухом пути,
В тепле и в холоде зародыш разовьется.
Один огонь еще, спасибо, остается.
А то б убежища, ей-богу, не найти!

Ф а у с т

Итак великой, животворной,
Могучей силе всеблагой
Ты тщетно, демон непокорный,
Грозишь коварною рукой!
Другое лучше выдумай стремленье,
Хаоса странное творенье!

М е ф и с т о ф е л ь

О том подумать сами мы хотим...
Но после мы с тобой еще поговорим;
Теперь могу ль я удалиться?

Ф а у с т

К чему такой вопрос? Иди.
Твое знакомство пригодится:
Когда захочешь, приходи.
Не хочешь ли в окно — открытая дорога!
Не то — в трубу ступай; не заперта и дверь.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Посвящение	5
Пролог в театре	6
Пролог на Небесах.	11
<i>Сцена 1.</i> Ночь	15
<i>Сцена 2.</i> За городскими воротами	27
<i>Сцена 3.</i> Кабинет Фауста.	38
<i>Сцена 4.</i> Кабинет Фауста.	48
<i>Сцена 5.</i> Погреб Ауэрбаха в Лейпциге	64
<i>Сцена 6.</i> Кухня ведьмы.	76
<i>Сцена 7.</i> Улица.	86
<i>Сцена 8.</i> Вечер	89
<i>Сцена 9.</i> Гулянье.	92
<i>Сцена 10.</i> Дом соседки	94
<i>Сцена 11.</i> Улица.	101
<i>Сцена 12.</i> Сад	103
<i>Сцена 13.</i> Беседка	109
<i>Сцена 14.</i> Лес и пещера	110
<i>Сцена 15.</i> Комната Гретхен	115
<i>Сцена 16.</i> Сад Марты	116
<i>Сцена 17.</i> У колодца	121
<i>Сцена 18.</i> У городской стены	123
<i>Сцена 19.</i> Ночь. Улица перед домом Гретхен	124
<i>Сцена 20.</i> Собор.	129
<i>Сцена 21.</i> Вальпургиева ночь	131
<i>Сцена 22.</i> Сон в Вальпургиеву ночь	144
<i>Сцена 23.</i> Пасмурный день. Поле	150
<i>Сцена 24.</i> Ночь. Открытое поле	152
<i>Сцена 25.</i> Тюрьма	152

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Действие первое

Живописная местность	160
Императорский дворец	163
Маскарад	172
Дворцовый сад	199
Мрачная галерея	206
Ярко освещенные залы	211
Рыцарская зала	214

Действие второе

Тесная комната с высокими сводами, в готическом стиле (прежний кабинет Фауста, в неизменном виде)	222
Лаборатория в средневековом стиле	231
Классическая Вальпургиева ночь Фарсальские поля. Мрак	238
Пеней, окруженный ручейками и нимфами.	248
У верховьев Пеней, как прежде	257
Скалистые бухты у Эгейского моря	275

Действие третье

Местность перед дворцом Менелая в Спарте	291
--	-----

Действие четвертое

Высокий горный хребет.	339
На предгорья	349
Шатер враждебного Императора	363

Действие пятое

Открытая местность	372
Дворец Фауста	376
Полночь	383
Большой двор перед дворцом	388
Положение во гроб	391
Сверху сияние, с правой стороны.	393
Горные ущелья, лес, скалы, пустыня	398